

САМОКАТЕГОРИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ ЛАТВИИ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ

В.В. Волков

Владислав Викторович Волков | <http://orcid.org/0000-0001-9593-2641> | vladislavs.volkovs@inbox.lv | доктор социологии (Dr. sc. soc.), ведущий исследователь Института философии и социологии | Латвийский университет (бульвар Калпака 4, Рига, LV-1050, Латвия)

Ключевые слова

социальная самокатегоризация, этническое меньшинство, дискурсивные практики

Аннотация

В статье рассматриваются особенности самокатегоризации русскоязычной молодежи современной Латвии как представителей этнических меньшинств в бытующих в ее среде дискурсивных практиках. Автор приводит материалы социологического исследования 2000 и 2019 гг., показавшие выраженное стремление опрошенных русских студентов Риги воспринимать Латвию как этнополитическую систему, в которой этнические меньшинства занимают субординированное положение в этносоциальной стратификации и системе власти. Главным индикатором такого положения выступает, по мнению русских респондентов, крайне незначительная роль, которая отводится законодательством социальным функциям русского языка в публичном пространстве (в системе образования, официальной коммуникации и т.д.), а также личный опыт социального продвижения в трудовой сфере и предпринимательстве.

Социальная самокатегоризация является процессом отнесения личностью самой себя к той или иной социальной, в том числе и этнической, группе (*Haslam* 1997: 119–143; *McGarty* 2018). Важнейшим условием этнической самокатегоризации выступает этническая дифференциация общества, пронизывающая все его сферы и непосредственно влияющая на характер распределения общественного капитала между различными этническими группами.

В научной литературе представлены различные версии причин социальной категоризации, включая и этническую. А. Тэджфел и Дж. Тёрнер считали достаточным основанием для приоритетного отождествления людьми себя с одними социальными группами и противопоставления другим сам факт конкурентной коммуникации между этими группами (*Tajfel, Turner* 1979: 33–48; *Turner* 1985: 77–121). Более широкий контекст причин социальной категоризации предлагал Т. Парсонс, связывавший социальные действия с ситуациями,

Статья поступила 01.12.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 10.06.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Волков В.В. Самокатегоризация молодежи в русскоязычной среде Латвии в дискурсивных практиках // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 5. С. 131–147. <https://doi.org/10.31857/S0869541522050074>
EDN: IAOLIO

Vokov, V.V. 2022. Samokategorizatsiia molodezhi v russkoiazychnoi srede Latvii v diskursivnykh praktikakh [Self-Categorization of Youth in Discursive Practices of the Russian Speaking Milieu of Latvia]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 131–147. <https://doi.org/10.31857/S0869541522050074>
EDN: IAOLIO

с “системами ориентаций”, которые включают в себя как природные, так и социальные объекты, в том числе и существующую нормативной-культурную систему общества. При этом действия носят селективный характер, основанный на “когнитивном различии, локализации и спецификации объектов, которые ... переживаются как имеющие позитивную или негативную ценность для актора” (Парсонс 2000: 418–419, 433, 459, 466). Схожие представления включены в теорию социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, которые видят в сложившихся социальных институтах общества важнейший ресурс конструирования социальной категоризации и социальной идентичности (Бергер, Лукман 1995: 99–104). Источником этнической категоризации и самокатегоризации выступают особенности механизмов включения/исключения в большие социальные и гражданские общности (Gaertner, Dovidio 2005: 71–89; Агадуллина 2007: 44). Механизмы социального исключения по отношению к этническим меньшинствам, реализуя дихотомию “мы – они”, препятствуют доступу членов этих групп к престижным социальным ролям и статусам, усиливая их маргинализацию в обществе и, по словам А.М. Янг, их социальное и политическое бессилие (*powerlessness*) (Young 1988: 272, 275, 280, 283). В конечном счете это приводит к ослаблению значения общенациональной идентичности в сознании этнических меньшинств. Механизмы социального исключения реализуют базисные принципы иерархизации социальной системы (Шупунова 2005: 123) и стратифицирования имеющихся социальных, в том числе и этнокультурных ценностей. В условиях, когда в социальной системе ценности этнических меньшинств исключаются из спектра общественно значимых, неизбежно выстраивается категоризация этих групп как субординированных по отношению к этнонациональному большинству.

Проблематика этнической категоризации тесно переплетается в научных исследованиях с пониманием особенностей этничности в устойчивых межкультурных взаимодействиях. Существует два полярных подхода к этому вопросу. В одном из них (например, в работах П. Бурдые, Р. Брубейкера) утверждается мысль о том, что этничность – это гибкий социальный феномен, постоянно приспосабливающийся к социальным ситуациям, что не позволяет трактовать это явление как застывшую социальную категорию, как “группизм” (Брубейкер 2012: 19, 23, 25; Бурдые 2005: 15). В другом подходе (например, в теории Ф. Барта) особо подчеркивается устойчивость этнических границ, этнической категоризации и самокатегоризации, даже в том случае, когда этнические группы активно взаимодействуют, обмениваются культурными ценностями и социальными позициями (Барт 2006: 9, 10, 15, 20).

Актуальность понимания процессов этнической категоризации возрастает в многоэтнических обществах, где на официальном, в том числе и законодательном уровне, а также в общественном сознании устойчиво закрепилось деление общества на национальное большинство и этнические меньшинства. Тем самым и для этнической самокатегоризации актуальными оказываются как маркеры этнической идентичности (общее историческое происхождение, разделяемая членами этнической группы культура, язык, религиозные верования [Stone, Piya 2007: 1457]), так и маркеры этностратификационной идентичности, характеризующие наиболее распространенные социальные позиции, занимаемые представителями этнических групп в системе власти в обществе (Гидденс 1999: 233–265), “жизненные шансы” (Дарендорф 2002: 33–39), вытекающие из их “типичных возможностей” в обеспечении себя ресурсами и “культурного престижа” (Вебер 2016: 334; Вебер 2017: 72, 78–82). Как показывает практика многоэтнических государств, где в общественно-политической жизни постоянно акцентируются различия функциональных ролей этнонационального боль-

шинства и этнических меньшинств, этнокультурные и этностратификационные маркеры могут плавно перетекать друг в друга (Cohen 1978: 379, 383, 386–397).

Самокатегоризация этнических меньшинств оказывается особо чувствительна к маркерам, характеризующим позиции этих групп в системе этносоциальной стратификации и жизненных шансов (Wirth 1945). Особенно ощущение такой связи с системой этносоциального неравенства актуально для тех этнических меньшинств, которые слабо представлены в структурах государственной власти, в социально престижных видах деятельности и профессиях и в отношении к идентичности которых доминирующий этнополитический дискурс реализует практики исключения. В такой ситуации представители этнических меньшинств существенно актуализируют в своей этнической самокатегоризации дихотомию “мы – они” (Taijfel 1970: 96–98), “ощущение исключения как осознания границ, которые отделяют от других” (Як 2017: 87). В результате либеральные идеалы о плюралистическом характере национальной идентичности, включающей в себя ценности этнокультурных идентичностей меньшинств, утрачивают связь с реальностью, где культивируются как раз “групповые” категоризации, что в определенной степени ставит под сомнение оптимистичные представления Р. Брубейкера о формуле “этничности без групп”.

Важным способом презентации этнической самокатегоризации являются дискурсивные практики, посредством которых подчеркивается связь с референтными группами (Bamberg 2005: 223; Benwell, Stokoe 2006: 2), с ценностями групповой идентичности (Colombo, Senatore 2004: 48–62), актуализируется пространство конфликтующих социальных интересов (Labarta, Dolón 2005: 313–317), оценивается характер реализуемой социальной власти (Mayes 2010: 189–210). Через дискурсивные практики выстраивается категориальное социальное познание мира в формах микро, макро и суперструктур (Ван Дейк 1989: 122–130, 170, 184). При этом самокатегоризация личности в нарративе перенимает “канонические наррации” тех социальных групп, с которыми происходит идентификация (Рождественская 2010: 5–8, 19, 21).

Место феномена этнической категоризации в общественной жизни Латвии

Этническая категоризация является чрезвычайно распространенным фактом частной и общественной жизни в Латвии. Это напрямую связано с высокой степенью этнокультурного разнообразия в стране в целом и в крупнейших городах в частности, что формирует плотность внутриэтнических контактов, создающих условия для “этнической кластеризации” (Эйдхейм 2006: 52) общественной жизни этнических групп. В Латвии, согласно данным ЦСУ, в 2021 г. проживало 1 873,1 тыс. человек, из них 1 187,9 тыс. латышей (63,4% всего населения) и 685,2 тыс. представителей других этнических групп, что составляло 36,6% от общей численности населения страны, в том числе 463,6 тыс. русских (24,5% всех латвийцев). Особо высока доля русских среди жителей семи крупнейших городов: Риги, Даугавпилса, Лиепая, Юрмалы, Елгавы, Резекне, Вентспилса – 35,5% (329,1 тыс., или 71% всего русского населения) (подсчитано по: Iedzīvotāju skaits 2022).

Потребность в самокатегоризации как этнической группы в рамках латвийского общества вытекает из длительного присутствия русского населения на территории Латвии, а также воспроизводящихся на протяжении многих поколений этнокультурных практик. Об устойчивости таких практик свидетельствуют особенности лингвистической самоидентификации русского населения Латвии, этнического выбора партнеров при заключении брака, политического участия

русского и в целом русскоязычного населения в течение всего периода с 1991 г. Среди всех наиболее крупных этнических групп Латвии – латышей, русских, белорусов, украинцев и поляков, составляющих 94,9% всего населения (2017. gadā 2018), только для латышей и русских родным является язык их этнической группы. Для латышей Латвии родным языком латышский является в 95,7% случаев, для русских русский язык – в 94,5% случаев, для украинцев украинский язык – в 27,2%, для поляков польский язык – в 19,4%, для белорусов белорусский язык – в 18,8% (подсчитано по: Iedzīvotāju 2021). Только для латышей и русских по сравнению с другими крупными этническими группами Латвии (за исключением цыган) характерно заключение браков в основном с партнерами своей национальности (2017. gadā 2018). Так, в 2019 г. латышки в 81% случаев заключали брак с латышами, русские женщины в 52,5% – с русскими мужчинами, украинки в 9,9% – с украинцами, польки в 7,7% – с поляками, белоруски в 76% – с белорусами. При этом по сравнению с советским временем увеличилась доля русских женщин, выходящих замуж за латышей. В 1970 г. эта доля составляла 16,8%, в 1980-м – 15,5%, в 1990-м – 15,9%, в 2000-м – 22,7%, в 2010-м – 26,3%, в 2019-м – 28,2% (подсчитано по: ILN050. 2021).

Самокатегоризации русского населения как этнической группы способствует также сознательный выбор общеобразовательных школ, где преподавание, согласно закону об образовании, ведется билингвально, при сочетании латышского и русского языка. Такие школы даже по классификации Министерства образования и науки рассматриваются как учебные заведения с “русским языком преподавания”. Как показывает официальная статистика, доля обучающихся на русском языке в общеобразовательных школах Латвии в последние 15 лет практически не меняется и держится на уровне 25–27%, хотя за 1990-е годы эта доля существенно снизилась (Волков 2013: 177–196). В 2015–2016 учебном году на русском языке обучалось 55,8 тыс., или 27,6% латвийских школьников (Izglītības 2017; Skolēnu 2017), в 2019–2020 учебном году (более свежих данных нет) – 54,4 тыс., или 25,4% всех латвийских учеников 1–12 классов (Izglītojamā 2021). Стабилизация интереса школьников к обучению в общеобразовательных школах Латвии на русском языке явно свидетельствует о потребности сохранять и воспроизводить коллективную этнокультурную идентичность.

Этническая категоризация усиливается особенностями этнополитической реальности в Латвии, в которой сочетаются как принципы этнического плюрализма, равноправия представителей различных этнических групп, так и представление о большей ценности латышской этнокультурной идентичности по сравнению с идентичностью этнических меньшинств, что отстаивается во всех важнейших этнополитических документах Латвии, включая Конституцию (Latvijas 2020), Закон об образовании (Izglītības 2020), Закон о языке (Valsts 2020). Например, поправки 2014 г. в Конституцию закрепляют принцип субординации идентичностей различных национальностей Латвии уже в понятии “нации”, которая рассматривается именно как “латышская нация”. В свою очередь, этнические меньшинства рассматриваются лишь как часть “народа Латвии” (Latvijas 2020).

Институциональные особенности политической системы проявляются в воспроизводстве общественно-политических практик русского населения как крупнейшего этнического меньшинства. Т.к. во всех правительственных партиях доля представителей русского населения или крайне ничтожна, или отсутствует вовсе, то эта группа населения ориентирована на создание “собственных” политических партий. Партии, которые в своих программах ориентируются на интересы русского населения (вопросы образования на русском языке, проблема безгражданства среди русскоязычного населения и т.д.), занимают устойчивую

чивую нишу в парламенте, а также в муниципальных советах территорий с высоким удельным весом русского населения. Так, на выборах в латвийский Сейм в 1993 г. партии “Согласие Латвии, возрождение народному хозяйству” и “Равноправие” вместе располагали в парламенте 20 местами из 100 (5. Saeimas 2021). Результаты выборов в 6-й Сейм (1995 г.) “Партии народного согласия” и “Социалистической партии Латвии” принесли 11 мест (6. Saeimas 2021). В 7-м Сейме (1998 г.) у “Партии народного согласия” было 16 мест (7. Saeimas 2021). В 8-м Сейме (2002 г.) политическое объединение “За права человека в единой Латвии” стало второй по численности фракцией парламента с 25 местами (8. Saeimas 2021). В 9-м Сейме (2006 г.) “Центр Согласия” и объединение политических организаций “За права человека в единой Латвии” имели 23 места (9. Saeimas 2021). В 10-м Сейме (2010 г.) у “Центра Согласия” было 29 мест (10. Saeimā 2021), в 11-м Сейме (2011 г.) – 31 место (11. Saeimas 2021). С 2011 г. у “Согласия” – крупнейшая фракция парламента. В 12-м Сейме (2014 г.) у социал-демократической партии “Согласие” было 24 места (12. Saeimas 2021) и в 13-м Сейме – 23 места (13. Saeimas vēlēšanas 2021).

Этническая категоризация стимулируется не только степенью интеграции личности в группу, но также и практиками социального исключения из других групп. В доступной официальной статистике в Латвии после 1991 г. нет информации о месте представителей этнических групп в системе социальной, в том числе и социально-профессиональной стратификации, об их присутствии среди политической элиты. В этом смысле статистика времен Российской империи, Латвийской Республики (1918–1940 гг.), а также СССР показывает значительно более полную картину характера этносоциальной стратификации в указанные периоды истории Латвии, чем в современных условиях (Волков 2013: 178–181). Но даже анализируя доступную информацию о составе государственно-политической, общественной элиты Латвии, можно сказать, что русское население в ней практически не представлено, за некоторым исключением (Вячеслав Домбровский как представитель партии Реформ в период 2013–2014 гг. был министром образования и науки, а также министром экономики; с 2021 г. Мария Голубева как представитель партии “Развитию/За!” является министром внутренних дел, единственным русским министром в правительстве (Ministru 2021); Нил Ушаков в период 2018–2019 гг. был мэром Риги. Но среди советников премьер-министра (Darbinieku 2021) или 19 руководителей департаментов и отделов департаментов правительства нет никого с русским именем и фамилией (Valsts 2021). Среди ректоров всех шестнадцати государственных университетов, академий и высших школ также нет ни одного русского. Пропорциональное участие этнических меньшинств Латвии реализовано в основном в руководстве частных вузов, где лишь пять ректоров из одиннадцати являются представителями этих этнических групп (Augstākās 2021). В руководстве крупного бизнеса Латвии русских также практически нет. Среди 20 крупнейших предприятий-налогоплательщиков в 2019 г. представители этнических меньшинств были руководителями только в одной компании, причем занимающей последнюю строчку в этом списке, а среди 60 самых крупных компаний – только в шести (BERLAT GRUPA, SIA; GREIS, SIA; GREIS loģistika, SIA; Accenture Latvijas filiāle; LIVIKO, SIA; BITE Latvija, SIA) (Подсчитано по: TOP 2021).

Самокатегоризация русского населения как субординированного по отношению к латышам этнического меньшинства длительное время является объектом научного интереса. Социологи отмечают невысокую заинтересованность латвийской политической элиты в полноценной представленности русского населения в правящем политическом классе, что приводит к низкой степени идентификации этой части населения с Латвией (Koroļeva et al. 2009: 147, 153, 158,

159), а также в поддержке реформы образования в школах этнических меньшинств и в оценке состояния защиты прав этнических меньшинств (*Zepa et al.* 2005: 14–15, 37–40; *Ījabs* 2006: 77). Материалы общелатвийского репрезентативного социологического исследования, проведенного автором статьи в 2016 г., показали, что менее половины как латышей, так и русских оценивают идентичность этнических меньшинств в качестве фактора, позитивно влияющего на жизнь человека в Латвии. При этом дополнительно проведенные глубинные интервью с известными в Латвии общественными и политическими деятелями, представителями научной и творческой интеллигенции выявили различие подходов латышских и русских респондентов к категоризации русских как этнического меньшинства Латвии. Среди латышских респондентов часто встречается убеждение в том, что в качестве нормативного идеала для русского меньшинства нужно рассматривать ценностную и лингвистическую ассимиляцию в латышской среде, где русскому языку отводится место только в частной сфере. Другая часть респондентов, прежде всего русские, а также те латыши, кто длительное время объективно отражал в своих публикациях запросы русской общины, считает нормальным для самокатегоризации русского населения Латвии его полноценную субъектность в структуре латвийского общества, что предполагает полноценный статус русского языка в общественной жизни страны (*Инфантьев* 2007; *Пазухина* 2005; *Фейгмане* 2000; *Apine* 1998; *Volkov* 2018: 18–26). Социологи показывают очень высокую степень распространения в нарративах русского населения Латвии представлений о своем менее значимом общественном статусе по сравнению с латышами (*Zirnīte, Assereckova* 2016: 30, 50, 72, 81, 96, 142, 156, 165, 187, 198), что оценивается в западной политологии как факт “разделенной нации” (*Agarin, Nakai* 2021: 521). Существующие особенности самокатегоризации русского населения как субординированного этнического меньшинства входят в противоречие с его потребностью в целостном воспроизводстве своей коллективной этнокультурной идентичности (*Volkov, Kurczewski* 2013), с его заинтересованностью в позитивной оценке роли русских в истории Латвии (*Volkov* 2021: 114–115).

Материалы социологических исследований

Автор статьи в 2000 и 2019 гг. провел опрос студентов, обучавшихся на русском языке в трех частных высших учебных заведениях Риги, с целью выявить наиболее характерные представления об их самокатегоризации как этнических меньшинств Латвии. Учитывая существенный временной разрыв в проведении исследования, я также ставил задачи определить, насколько в дискурсивных практиках воспроизводятся представления о латвийском обществе как о пространстве выраженной этносоциальной стратификации, в которой для латышей и этнических меньшинств характерны различные статусные позиции, и насколько характерна преемственность в такой самокатегоризации у респондентов 2000 г., которые примерно половину жизни прожили в условиях СССР, и у респондентов 2019 г., родившихся в независимой Латвии (ПМА 1; ПМА 2).

В 2000 г. было опрошено 70 респондентов, в 2019 – 75. Количество респондентов каждого из трех вузов (примерно по 20–25) соответствует величине выборки, принятой в качественном социологическом исследовании, и вполне достаточно для выявления значимых свойств исследуемого феномена (*Glaser, Strauss* 2006: 103–109; *Штейнберг* 2014: 44, 47). За период наблюдения изменились некоторые характеристики респондентов. По сравнению с 2000 г., когда доля граждан и неграждан Латвии была примерно одинаковой среди респондентов, в 2019 г. практически все респонденты были гражданами Латвии. Если

в 2000 г. менее трети респондентов связывали свою дальнейшую жизнь с Латвией, то среди респондентов 2019 г. таких было две трети. В 2019 г. заметно выросла доля респондентов, оценивающих свой уровень знания латышского языка как “хороший” (в 2019 г. – две трети, в 2000 г. – одна треть).

Студентам было предложено в письменной свободной форме ответить на один вопрос “Как Вы представляете себе будущее этнических меньшинств и их языков в Латвии?”. Сама формулировка вопроса для респондентов вовсе не предполагала необходимость напрямую категоризировать себя как представителей различных национально-политических или этнических общностей. Однако через содержание индивидуальных дискурсов респондентов можно определить, насколько востребованы в них оказываются наиболее часто встречающиеся (нормативные) описания и оценки этнополитической и этносоциальной реальности в Латвии и места в ней этнических меньшинств, характерные именно для сознания русского населения, погруженного в преимущественно русскую этнокультурную среду. В исследовании использовался качественный метод анализа, позволяющий понять представления респондентов о наиболее типизированных социальных возможностях в их индивидуальных практиках, связываемых со статусом латвийских этнических меньшинств. В некоторой степени это исследование было схоже с описанным М. Уэзерелл и Дж. Поттером методом выявления чувствительности к тем или иным “интерпретативным репертуарам”, своего рода комплексам организации идей, которые обнаруживаются в ходе исследования (*Potter, Wiggins 2007: 73, 75; Wetherell, Potter 1988: 168–183*).

Результаты исследований показали, что для русской студенческой молодежи Риги, ориентированной на русскоязычную этнокультурную среду, и в 2000-м, и в 2019 г. характерен весь спектр представлений о перспективах этнических меньшинств и их языков в Латвии, о жизненных возможностях, о наиболее типичных социальных статусах представителей этнических меньшинств, свойственных для среды русского населения Латвии в целом, что подтверждается и в других исследованиях (*Koroļeva et al. 2009; Zepa et al. 2005; Zirnīte, Assereckova 2016*). Учитывая большой объем и многообразие высказанных мнений, их содержание было сгруппировано по шкале оценок в диапазоне от “будущее этнических меньшинств и их языков зависит главным образом от их собственных индивидуальных усилий” до “государственная этнополитика и существующие политические институты не предполагают полноценное сохранение этнических меньшинств и их языков”. В целом распределение представлений респондентов 2000 и 2019 гг. представлено в Таблице.

В 2000 г. респонденты более развернуто отвечали на предложенный вопрос, чем это происходило в 2019 г. Так, среднее количество слов пяти самых объемных нарративов в 2000 г. составило 451 слово, а в 2019 г. – только 94 слова. Более развернутые эссе в 2000 г. содержали многостороннее описание условий существования русского населения Латвии, а также своей идентичности как многослойного явления, в котором этнические элементы переплетались с общегражданскими, а история латвийских русских рассматривалась в контексте латвийской государственности в XX в. Тем самым самокатегоризация русских студентов как этнического меньшинства была в 2000 г. больше открыта к новым возможным способам встраивания этнической идентичности в общенациональную и общегражданскую. Материалы исследования как 2000 г., так и 2019 г. показали, что абсолютное большинство опрошенных русских студентов рассматривает свою категоризацию как этнического меньшинства в контексте общественно-политических позиций русского языка в Латвии.

Именно место русского языка в общественном пространстве Латвии воспринимается респондентами 2000 г. и 2019 г. в качестве основного маркера

Таблица

**Оценка респондентами будущего этнических меньшинств
и их языков в Латвии**

	2000	2019
1. Будущее этнических меньшинств и их языков зависит в основном от индивидуальных усилий представителей этих групп населения Латвии, от личных потребностей сохранить свой родной язык, от традиций семьи по сбережению русского языка, от возможностей самого человека сохранить свою идентичность при интеграции в латвийское общество	16	13
2. Будущее этнических меньшинств и их языков зависит в основном от большой доли представителей этих групп в населении Латвии; к тому же прибытие в Латвию большого числа иммигрантов из других стран объективно приведет к усилению этнокультурного разнообразия	17	10
3. Существующая государственная этнополитика, сложившиеся политические институты, а также плохие отношения между русскими и латышами не предполагают полноценное сохранение этнических меньшинств и их языков	34	48
4. Другое	1	4
Всего	70	75

места этнических меньшинств в системе этносоциальной стратификации и системе власти, что оказывает важное влияние и на индивидуальные жизненные стратегии респондентов. В ответах респондентов, уверенных, что сохранение русского языка в Латвии – это не столько объект заботы самих русских, сколько государства, проявляется высокая степень негативной оценки результатов этнополитики, а тем самым и самокатегоризации как субординированного этнического меньшинства. Здесь же есть смысл упомянуть различные теории дискурса, которые рассматривают дискурсивную категоризацию как способ репрезентации и артикуляции гегемонии (*Laclau, Mouffe* 2000: vii–xix), реализации различных видов власти (*Фуко* 1996: 203–204) и идеологии (*Ван Дейк* б.г.).

Подавляющее большинство описаний говорит о тесной связи будущего этнических меньшинств с существующей направленностью государственной этнополитики (прежде всего, политики в сфере гражданства, образования, языка), а также с большой долей этих этнических групп в населении Латвии (51 подобное описание в 2000 г. и 58 – в 2019 г.): “Нет будущего у этнических меньшинств, так как правительство собирается закрыть русские учебные заведения, следит, чтобы жители Латвии разговаривали и писали только на латышском, и не дают спокойно жить другим национальностям” (ПМА 1: ЛР; Ж)¹. Сознание респондентов в чрезвычайной степени сконцентрировано на внешних, как институциональных, так и демографических обстоятельствах их самокатегоризации как этнических меньшинств. В то время как индивидуальные и коллективные возможности самих этнических меньшинств не рассматриваются в качестве основной гарантии сохранить свой язык и идентичность, а следовательно – и сохранить себя как полноценную этнокультурную группу в Латвии (16 описаний в 2000 г. и 13 – в 2019 г.):

Миноритарные языки продолжают свое существование, так как никто никому не может запретить говорить на его родном языке. Но в данной ситуации языки этнических меньшинств не будут развиваться, а лишь существовать. В будущем в Латвии все равно будут параллельно существовать латышский и русский языки.

(ПМА 1: ПЖ; Ж)

Национальные языки в Латвии будут существовать до тех пор, пока на ее территории проживают носители этих языков.

(ПМА 1: ЛР; Ж)

Я думаю, что этническим меньшинствам придется интегрироваться в латышское общество, но все равно они не перестанут говорить на своем родном языке хотя бы дома или с друзьями, будут отмечать свои национальные праздники.

(ПМА 2: ПЖ; Ж)

Государство может отнять у человека все, что угодно, только не право говорить на родном языке.

(ПМА 2: ЛР; Ж)

Респонденты в большей степени склонны рассматривать свои референтные этнические общности как группы, по отношению к которым проводится политика исключения из полноценной общественной жизни:

Я считаю, что люди терпят угнетение со стороны государства, в котором живут, но до поры до времени, и терпению придет когда-нибудь конец.

(ПМА 1: ЛР; М)

Все делается для того, чтобы убрать культуру и ценности этнических меньшинств в Латвии. Если ничего не поменяется, то перспектив не вижу.

(ПМА 2: ЛР; М)

Скорее всего, эти меньшинства уедут в другие страны или перестанут существовать (активно участвовать в жизни страны).

(ПМА 2: ЛР; Ж)

А вот студенты, у кого имеется личный опыт трудовой или коммерческой деятельности и социального продвижения, отмечают, что для русского населения характерны меньшие возможности в достижении достойного качества жизни, что свидетельствует о субординированном положении этой группы в системе этносоциальной стратификации:

Мы не можем устроиться на хорошую работу. Не важно, что ты умеешь делать в профессиональной области, главное быть по профессии “латыш”.

(ПМА 1: ПЖ; Ж)

На данный момент в Латвии идет притеснение этнических меньшинств во всех сферах и группах населения. С каждым годом становится все сложнее получить работу и хорошее образование.

(ПМА 1: ПЖ; М)

Особых перспектив не вижу и никаких тенденций на улучшение качества жизни тоже.

(ПМА 2: ЛР; Ж)

Никаких перспектив для русского населения в Латвии нет. Для других этнических меньшинств шансы больше.

(ПМА 2: ЛР; Ж)

Перспективы туманны, дискриминация по национальному признаку проявляется как в решениях правительства, так и при поиске работы.

(ПМА 2: ЛР; М)

Причем в 2019 г. по сравнению с 2000 г. доля респондентов, которые были критичны по отношению к государственной этнополитике, а также к возможностям представителей русского населения претендовать на достойный социальный статус в этносоциальной стратификации Латвии, даже возросла (48 и 34 описаний соответственно). Удвоение доли респондентов, связывающих свою жизнь с Латвией, в 2019 г. по сравнению с 2000 г. говорит о выработке механизмов адаптации русского населения к этносоциальным условиям даже при росте критических настроений к государственной этнополитике. При этом практически не увеличилась доля респондентов, овладевших латышским языком на очень высоком уровне, что говорит об отсутствии распространенных стремлений в среде русской молодежи строить карьеру в тех сегментах экономики и государственной службы, где очень высока доля латышей.

* * *

Этническая категоризация граждан и постоянных жителей чрезвычайно выпукло проявляется в процессах нациестроительства в Латвии. Конституция, основные законы, регулирующие реализацию этнополитики в сфере гражданства, языка, образования, программные документы политических партий, дискурсы в СМИ, отражающие этнополитическую проблематику, как и в начале 1990-х годов, так и сейчас пронизаны делением населения страны на этнические группы и выстраиванием иерархий общественно-политической ценности их этнокультурных идентичностей. В латвийской социологии практически отсутствуют масштабные исследования сложившейся системы этносоциальной стратификации и ее роли в практиках социальной мобильности, характерных для латышей и представителей этнических меньшинств. Однако даже локальный анализ роли этнического фактора в заключении браков, в этнополитической мобилизации, в ориентации на образовательные учреждения, хотя бы частично функционирующие на русском языке, говорит о важности для русского населения сохранить свою этническую идентичность (даже при том, что существующая этнополитическая реальность не предполагает полноценное включение русской идентичности в общегражданскую). Материалы социологического исследования 2000 и 2019 гг. показали выраженное стремление опрошенных русских студентов Риги воспринимать Латвию как этнополитическую систему, в которой этнические меньшинства в значительно большей степени являются объектом политики исключения, чем демократической интеграции (политики включения), занимают субординированное положение в этносоциальной стратификации и системе власти. Главным индикатором такого положения является, по мнению русских респондентов, крайне незначительная роль, которая отводится законодательством социальным функциям русского языка в публичном пространстве (в системе образования, официальной коммуникации и т.д.), а также личный опыт социального продвижения в трудовой сфере и предпринимательстве. При этом респонденты вовсе не склонны дистанцироваться от своей этнической группы, для них категоризация себя как этнического меньшинства Латвии выступает важным элементом этнокультурной и гражданской идентичности. Очевидно, что высокая степень такой самокатегоризации в сознании русской молодежи ориентирует ее жизненные планы на связь с нишами латвийского общества с уже сложившимся весомым присутствием этнических меньшинств. Поэтому вряд ли можно без существенных коррекций принять объяснительную модель современных этничностей, которые дистанцируются от “группизма” (в духе П. Бурдьё или Р. Брубейкера). По крайней мере особенности нациестроительства в многонациональной Латвии во многих общественных сферах институци-

онально поддерживают самокатегоризацию латышей и представителей этнических меньшинств как отдельных групп, закрепляют законодательно иерархию этнокультурных идентичностей этих групп, что неизбежно приводит к отражению в общественном сознании этой картины этнической реальности.

Примечания

¹ Принятые обозначения: М – мужчина, Ж – женщина; ЛР – гражданин Латвии, ПЖ – постоянный житель Латвии (ПМА 1; ПМА 2).

Источники и материалы

- Ван Дейк б.г. – Ван Дейк Т. К определению дискурса. 1.4.2020. <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>.
- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Эссе 70 студентов Института транспорта и связи, Балтийской Международной Академии, Института менеджмента информационных систем, Рига, Латвия, 2000 г.
- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Эссе 75 студентов Института транспорта и связи, Балтийской Международной Академии, Института менеджмента информационных систем, Рига, Латвия, 2019 г.
- Augstākās 2021 – Augstākās izglītības iestādes // 4.5.2021. <https://www.izm.gov.lv/lv/augstakas-izglitibas-iestades>
- Darbinieku 2021 – Darbinieku kontakti // 4.5.2021. <https://www.mk.gov.lv/lv/darbinieki>
- Iedzīvotāju 2022 – Iedzīvotāju skaits pēc tautības reģionos, republikas pilsētās, novados un 21 attīstības centrā gada sākumā – Teritoriālā vienība, Laika periods un Tautība // 10.2.2022. https://data.stat.gov.lv/pxweb/lv/OSP_PUB/START__POP_IR_IRE/IRE030/table/tableViewLayout1/
- Iedzīvotāju 2021 – Iedzīvotāju tautība un dzimtā valoda // 3.5.2021. https://data.stat.gov.lv/pxweb/lv/OSP_OD/OSP_OD_tautassk_taut_tsk2000/TSK00-105.px/ILN050
- ILN050 2021 – ILN050. Laulību skaits pēc laulāto tautības – Līgavas tautība, Līgavaņa tautība un Laika periods // 3.5.2021. https://data.stat.gov.lv/pxweb/lv/OSP_PUB/START_POP_IL_ILN/ILN050/table/tableViewLayout1/
- Izglītības 2017 – Izglītības iestāžu un izglītojamo skaits uz 2016.gada 1.septembri, kurās apgūt vispārējās pamata un vidējās izglītības programmas // 5.12.2017 http://izm.gov.lv/images/statistika/viis/Izglitojamo_skaits_01092016_VIIS_dati_IZM_majas_lapai.pdf
- Izglītības 2020 – Izglītības likums // 27.3.2020. <https://likumi.lv/doc.php?id=50759>
- Izglītojamo 2021 – Izglītojamo skaits uz 2019. gada 1. septembri vispārējās izglītības programmās pēc mācību valodas // 2.5.2021. <https://www.izm.gov.lv/lv/media/622/download>
- Latvijas 2020 – Latvijas Republikas Satversme // 27.3.2020. <https://likumi.lv/ta/id/57980-latvijas-republikas-satversme>
- McGarty 2018 – McGarty C. Social Categorization // 28.3.2018. <https://oxfordre.com/psychology/view/10.1093/acrefore/9780190236557.001.0001/acrefore-9780190236557-e-308>
- Ministru 2021 – Ministru kabineta sastāvs // 4.5.2021. <https://www.mk.gov.lv/lv/ministru-kabineta-sastavs>
- Skolēnu 2017 – Skolēnu, pedagogu un pedagogu likmju skaita dinamika pamata un vidējās vispārējās izglītības iestādes // 5.12.2017. http://izm.gov.lv/images/statistika/izglitiba/2016_2017/3_skolenped_un_ped_likmju_skaita_dimanika.pdf
- TOP 2021 – TOP 100 lielākie nodokļu maksātāji 2019.gadā // 4.5.2021. <https://blog.lursoft.lv/2020/04/27/top-100-lielakie-nodoklu-maksataji-2019-gada/>

- Valsts 2020 – Valsts valodas likums // 27.3.2020. <https://likumi.lv/ta/id/14740-valsts-valodas-likums>
- Valsts 2021 – Valsts kancelejas direktors // 4.5.2021. <https://www.mk.gov.lv/lv/strukturvieniba/valsts-kancelejas-direktors>
5. Saeimas 2021 – 5. Saeimas vēlēšanas // 2.5.2021. <https://www.cvk.lv/lv/velesanas/saeimas-velesanas/5-saeimas-velesanas>
6. Saeimas 2021 – 6. Saeimas vēlēšanas // 2.5.2021. <https://www.cvk.lv/lv/velesanas/saeimas-velesanas/6-saeimas-velesanas>
7. Saeimas 2021 – 7. Saeimas vēlēšanas // 2.5.2021. <https://www.cvk.lv/lv/velesanas/saeimas-velesanas/7-saeimas-velesanas>
8. Saeimas 2021 – 8. Saeimas vēlēšanas // 2.5.2021. <https://www.cvk.lv/lv/velesanas/saeimas-velesanas/8-saeimas-velesanas>
9. Saeimas 2021 – 9. Saeimas vēlēšanas // 2.5.2021. <https://www.cvk.lv/cgi-bin/wdbcgiw/base/saeima9.GalRezS9.vis>
10. Saeimā 2021 – 10. Saeimā ievēlētie deputāti // 2.5.2021. <https://www.cvk.lv/lv/velesanas/saeimas-velesanas/10-saeimas-velesanas/10-saeima-ieveletie-deputati>
12. Saeimas 2021 – 12. Saeimas vēlēšanas // 2.5.2021. <https://www.cvk.lv/lv/velesanas/saeimas-velesanas/12-saeimas-velesanas>
11. Saeimas 2021 – 11. Saeimas vēlēšanas // 2.5.2021. <https://www.cvk.lv/lv/velesanas/saeimas-velesanas/11-saeimas-velesanas>
13. Saeimas 2021 – 13. Saeimas vēlēšanas // 2.5.2021. <https://sv2018.cvk.lv/pub/ElectionResults>
2017. gadā 2018 – 2017. gadā pastāvīgo iedzīvotāju skaits Latvijā samazinājies par 15,7 tūkstošiem // 10.11.2018. <https://www.csb.gov.lv/lv/statistika/statistikas-temas/iedzivotaji/iedzivotaju-skaits/meklet-tema/2402-iedzivotaju-skaita-izmainas-latvija-2017>

Научная литература

- Агадуллина Е.Р.* Социальная категоризация: основные модели исследования // Социальная психология: актуальные проблемы исследования. Сборник научных трудов / Ред. Е.П. Белинская, Т.П. Емельянова. М.: Фонд им. Л.С. Выготского, 2007. С. 28–51.
- Барт Ф.* Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Ред. Ф. Барт. М.: Новое издательство, 2006. С. 9–48.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Брубейкер Р.* Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
- Брудье П.* Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.
- Ван Дейк Т.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
- Вебер М.* Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. Т. 1. Социология. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016.
- Вебер М.* Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. Т. 2. Общности. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017.
- Волков В.В.* Демография русского населения Латвии в XX–XXI веках // Этническая политика в странах Балтии / Ред. В. Полешук, В. Степанов. М.: Наука, 2013. С. 177–196.
- Гидденс Э.* Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
- Дарендорф Р.* Современный социальный конфликт. М.: РОССПЭН, 2002.

- Инфантьев Б.* Балто-славянские культурные связи. Лексика, мифология, фольклор. Рига: Веди, 2007.
- Пазухина Н.* Культурные традиции латвийских староверов в 20–30 гг. XX века // Староверие Латвии / Ред. И. Иванов. Рига, 2005.
- Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000.
- Рождественская Е.Ю.* Нарративная идентичность в автобиографическом интервью // Социология: 4М. 2010. № 30. С. 5–26.
- Фейгмане Т.* Русские в довоенной Латвии. Рига: Балтийский русский институт, 2000.
- Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Ка-сталь, 1996.
- Шипунова Т.В.* Социальное исключение, отчуждение, насилие и агрессия как механизмы воспроизводства девиантности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Том VIII. № 4. С. 120–136.
- Штейнберг И.Е.* Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: “восьмиугольная” модель // Социология: 4М. 2014. № 38. С. 38–71.
- Эйдхейм Х.* Когда этническая идентичность становится социальным стигматом // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Ред. Ф. Барт. М.: Новое издательство, 2006. С. 49–71.
- Як Б.* Национализм и моральная психология сообщества. М.: Издательство Института Гайдара, 2017.
- Agarin T., Nakai R.* Political Dejection in a Divided Society: a Challenge for Latvia's Democracy? // Journal of Baltic Studies. 2021. Vol. 52 (4). P. 521–546.
- Apine I.* Latvijas minoritāšu apziņa ceļā uz politisko nāciju // Pilsoniskā apziņa / Ed. E. Vēbers. Rīga: LU FSI, 1998.
- Bamberg M.* Narrative Discourse and Identities // Narratology beyond Literary Criticism / Ed. J.Ch. Meister. Berlin, NY: Walter de Gruyter, 2005. P. 213–237.
- Benwell B., Stokoe E.* Discourse and Identity. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006.
- Cohen R.* Ethnicity: Problem and Focus in Anthropology // Annual Review of Anthropology. 1978. Vol. 7. P. 379–403.
- Colombo M., Senatore A.* The Discursive Construction of Community Identity // Journal of Community and Applied Social Psychology. 2004. Vol. 15 (1). P. 48–62.
- Gaertner S.L., Dovidio J.F.* Categorization, Recategorization and Intergroup Bias // On the Nature of Prejudice. Fifty Years after Allport / Eds. J.F. Dovidio, P. Glick, L.A. Rudman. Gospons: Blackwell publishing Ltd, 2005. P. 71–88.
- Glaser B.G., Strauss A.L.* The Discovery of Grounded Theory. Strategies for Qualitative Research. New Brunswick, London: Aldine Transaction. A Division of Transaction Publishers, 2006.
- Haslam S.A.* Stereotyping and Social Influence: Foundations of Stereotype Consensus // The Social Psychology of Stereotyping and Group Life / Eds. R. Spears, P.J. Oakes, N. Ellemers, S.A. Haslam. Blackwell Publishing, 1997. P. 119–143.
- Ījabs I.* Russians and Civil Society // Latvian-Russian Relations: Domestic and International Dimensions / Ed. N. Muižnieks. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2006. P. 74–84.
- Koroļeva I., Rungule R., Sņikere S., Aleksandrovs A.* Latvijas jaunatnes portrets: integrācija sabiedrībā un marginalizācijas riski. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2009.
- Labarta M., Dolón R.* The Discursive Construction of Identities: A Critical Analysis of the Representation of Social Actors in Conflict // Proceedings of the International Conference on Critical Discourse Analysis: Theory into Research / Ed. M. Short. Tasmania: University of Tasmania, 2005. P. 313–317.

- Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 2000.
- Mayer P.* The Discursive Construction of Identity and Power in the Critical Classroom: Implications for Applied Critical Theories // *Discourse & Society*. 2010. Vol. 21 (2). P. 189–210.
- Potter J., Wiggins S.* Discursive Psychology // *The Sage Handbook of Qualitative Research in Psychology*. London: Sage, 2007. P. 93–109.
- Stone J., Piya B.* Ethnic Groups // *The Blackwell Encyclopedia of Sociology* / Ed. G. Ritzer. Singapore: Blackwell Publishing Ltd, 2007. P. 1457–1459.
- Tajfel H.* Experiments in Intergroup Discrimination // *Scientific American*. 1970. No. 223 (5). P. 96–103.
- Tajfel H., Turner J.C.* An Integrative Theory of Intergroup Conflict // *The Social Psychology of Intergroup Relations* / Eds. W.G. Austin, S. Worchel. Monterey, CA: Brooks-Cole, 1979. P. 33–48.
- Turner J.* Social Categorization and the Self-Concept: a Social Cognitive Theory of Group Behavior // *Advances in Group Processes* / Ed. E. Lawer. 1985. Vol. 2. P. 77–121.
- Volkov V.* Communication of Ethnic Groups in Public Space in Latvia // *Ethnicity: Diversity and Homogenization*. 2018. Vol. 15 (1). P. 4–31.
- Volkov V.* Features of the Russian Population Collective Identity in Latvia in the Period 1991–2021 // *Europa Ethnica*. 2021. Vol. 3/4. P. 112–118.
- Volkov V., Kurczewski J.* Latvians, Russians and Poles of Present-Day Daugavpils: Integration, Acculturation and Historic Reconciliation. Rīga: Zinātne, 2013.
- Wetherell M., Potter J.* Discourse Analysis and the Identification of Interpretive Repertoires // *Analysing Everyday Explanation: A Casebook of Methods* / Ed. C. Antaki. Newbury Park, CA: Sage, 1988. P. 168–183.
- Wirth L.* The Problem of Minority Groups // *The Science of Man in the World Crisis* / Ed. R. Linton. NY: Columbia University Press, 1945.
- Young I.M.* Five Faces of Oppression // *The Philosophical Forum*. 1988. Vol. XIX. No. 4. P. 270–290.
- Zepa B., Šūpule I., Kļave E., Krastiņa L., Krišāne J., Tomšone I.* Ethnopolitical Tension in Latvia: Looking for the Conflict Solution. Rīga: Baltic Institute of Social Sciences, 2005.
- Zirnīte M., Assereckova M.* Visi esam sava laikmeta bērni: krievu dzīvesstasti Latvijā. Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts, 2016.

Research Article

Volkov, V.V. Self-Categorization of Youth in Discursive Practices of the Russian Speaking Milieu of Latvia [Samokategorizatsiia molodezhi v russkoiazycnoi srede Latvii v diskursivnykh praktikakh]. *Ethnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 5, pp. 131–147. <https://doi.org/10.31857/S0869541522050074> EDN: IAOLIO ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Vladislav Volkov | <http://orcid.org/0000-0001-9593-2641> | vladislavs.volkovs@inbox.lv | University of Latvia (boulevard Kalpaka 4, Riga, LV-1050, Latvia)

Keywords

Latvia, Russian-speaking youth, social self-categorization, ethnic minority, discursive practices

Abstract

The article examines various aspects of self-categorization of the Russian-speaking youth as representatives of ethnic minorities in discursive practices of today's Latvia. I draw on the materials of a sociological study conducted in 2000 and 2019, which showed the expressed desire of the interviewed Russian students of Riga to perceive Latvia as an ethnopolitical system where ethnic minorities occupy a subordinated position in the ethnic-social stratification and the system of power. Russian respondents believe that the main indicator of this perception is the extremely insignificant role assigned by the legislation to the social functions of the Russian language in the public space (e.g., in the education system, official communications, etc.), as well as the personal experience of social advancement in the field of employment and entrepreneurship.

References

- Agadullina, E.R. 2007. Sotsial'naiia kategorizatsiia: osnovnye modeli issledovaniia [Social Categorization: Basic Research Models]. In *Sotsial'naiia psikhologiia: aktual'nye problemy issledovaniia. Sbornik nauchnykh trudov* [Social Psychology: Current Research Issues], edited by E.P. Belinskaia, and T.P. Emel'ianova, 28–51. Moscow: Fond im. L.S. Vygotskogo.
- Agarin, T., and R. Nakai. 2021. Political Dejection in a Divided Society: a Challenge for Latvia's Democracy? *Journal of Baltic Studies* 52 (4): 521–546.
- Apine, I. 1998. Latvijas minoritāšu apziņa ceļā uz politisko nāciju [Latvian Minority Consciousness on the Way to a Political Nation]. In *Pilsoniskā apziņa* [Civic Consciousness], edited by E. Vēbers. Rīga: LU FSI.
- Bamberg, M. 2005. Narrative Discourse and Identities. In *Narratology beyond Literary Criticism*, edited by J.Ch. Meister, 213–237. Berlin, New York: Walter de Gruyter.
- Barth, F. 2006. Vvedenie [Introduction]. In *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naiia organizatsiia kul'turnykh razlichii* [Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference], edited by F. Barth, 9–48. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Benwell, B., and E. Stokoe. 2006. *Discourse and Identity*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Berger, P., and Luckmann, T. 1995. *Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniia* [The Social Construction of Reality]. Moscow: Medium.
- Bourdieu, P. 2005. *Sotsiologiia sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii; St. Petersburg: Aleteiia.
- Brubaker, R. 2012. *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without Groups]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Cohen, R. 1978. Ethnicity: Problem and Focus in Anthropology. *Annual Review of Anthropology* 7: 379–403.
- Colombo, M., and A. Senatore. 2004. The Discursive Construction of Community Identity. *Journal of Community and Applied Social Psychology* 15 (1): 48–62.
- Dahrendorf, R. 2002. *Sovremennyi sotsial'nyi konflikt* [Modern Social Conflict]. Moscow: ROSSPEN.
- Eidheim, H. 2006. Kogda etnicheskaia identichnost' stanovitsia sotsial'nym stigmatom [When does Ethnic Identity become a Social Stigma]. In *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naiia organizatsiia kul'turnykh razlichii* [Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference], edited by F. Barth, 49–71. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Feigmane, T. 2000. *Russkie v dovoennoi Latvii*. Riga: Baltiiskii russkii institut.

- Foucault, M. *Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti* [Will to Truth]. Moscow: Kastal', 1996.
- Gaertner, S.L., and J.F. Dovidio. 2005. Categorization, Recategorization and Intergroup Bias. In *On the Nature of Prejudice. Fifty Years after Allport*, edited by J.F. Dovidio, P. Glick, and L.A. Rudman, 71–88. Gospons: Blackwell publishing Ltd.
- Giddens, E. 1999. *Sotsiologiiia* [Sociology]. Moscow: Editorial URSS.
- Glaser, B.G., and A.L. Strauss. 2006. *The Discovery of Grounded Theory. Strategies for Qualitative Research*. New Brunswick, London: Aldine Transaction. A Division of Transaction Publishers.
- Haslam, S.A. 1997. Stereotyping and Social Influence: Foundations of Stereotype Consensus. In *The Social Psychology of Stereotyping and Group Life*, edited by R. Spears, P.J. Oakes, N. Ellemers, and S.A. Haslam, 119–143. Blackwell Publishing.
- Ījabs, I. Russians and Civil Society. In *Latvian-Russian Relations: Domestic and International Dimensions*, edited by N. Muižnieks, 74–84. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds.
- Infant'ev, B. 2007. *Balto-slavianskie kul'turnye sviazi. Leksika, mifologija, fol'klor*. Riga: Vēdi.
- Koroļeva, I., R. Rungule, S. Sņikere, and A. Aleksandrovs. 2009. *Latvijas jaunatnes portrets: integrācija sabiedrībā un marginalizācijas riski* [Portrait of Latvian Youghth: Integration in Society and Risks of Marginalisation]. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds.
- Labarta, M., and R. Dolón. 2005. The Discursive Construction of Identities: A Critical Analysis of the Representation of Social Actors in Conflict. In *Proceedings of the International Conference on Critical Discourse Analysis: Theory into Research*, edited by M. Short, 313–317. Tasmania: University of Tasmania.
- Laclau, E., and C. Mouffe. 2000. *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso.
- Mayes, P. 2010. The Discursive Construction of Identity and Power in the Critical Classroom: Implications for Applied Critical Theories. *Discourse & Society* 21 (2): 189–210.
- Parsons, T. 2000. *O strukture sotsial'nogo deistviia* [The Structure of Social Action]. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Pazukhina, N. 2005. Kul'turnye traditsii latviiskikh staroverov v 20–30 gg. XX veka. In *Staroverie Latvii* [Old Believers of Latvia], edited by I. Ivanov. Riga.
- Potter, J., and S. Wiggins. 2007. Discursive Psychology. In *The Sage Handbook of Qualitative Research in Psychology*, 93–109. London: Sage.
- Rozhdestvenskaia, E.Y. 2010. Narrativnaia identichnost' v avtobiograficheskom interv'iu [Narrative Identity in an Autobiographical Interview]. *Sotsiologija: 4M* 30: 5–26.
- Shipunova, T.V. 2005. Sotsial'noe iskluchenie, otchuzhdenie, nasilie i agressiia kak mekhanizmy vosproizvodstva deviantnosti [Social Exclusion, Alienation, Violence and Aggression as Mechanisms of Reproduction of Deviance]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* VIII (4): 120–136.
- Shteinberg, I.E. 2014. Logicheskie skhemy obosnovaniia vyboriki dlia kachestvennykh interv'iu: "vos'miokonnaia" model' [Logical Schemes of Sample Justification for Qualitative Interviews: "Eight-Window" Model]. *Sotsiologija: 4M* 38: 38–71.
- Stone, J., and B. Piya. 2007. Ethnic Groups. In *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*, edited by G. Ritzer, 1457–1459. Singapore: Blackwell Publishing Ltd.
- Tajfel, H. 1970. Experiments in Intergroup Discrimination. *Scientific American* 223 (5): 96–103.
- Tajfel, H., and J.C. Turner. 1979. An Integrative Theory of Intergroup Conflict.

- In *The Social Psychology of Intergroup Relations*, edited by W.G. Austin, and S. Worchel, 33–48. Monterey, CA: Brooks-Cole.
- Turner, J. 1985. Social Categorization and the Self-Concept: A Social Cognitive Theory of Group Behavior. *Advances in Group Processes* 2: 77–121.
- Van Dijk T. 1989. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiia* [Language. Cognition. Communication]. Moscow: Progress.
- Volkov, V.V. 2013. Demografiia russkogo naseleniia Latvii v XX–XXI vekakh [Demography of the Russian Population of Latvia in the 20th–21st Centuries]. In *Etnicheskaia politika v stranakh Baltii* [Ethnic Policies in Baltic Countries], edited by V. Poleshchuk, and V. Stepanov, 177–196. Moscow: Nauka.
- Volkov, V. 2018. Communication of Ethnic Groups in Public Space in Latvia. *Ethnicity: Diversity and Homogenization* 15 (1), 4–31.
- Volkov, V. 2021. Features of the Russian Population Collective Identity in Latvia in the Period 1991–2021. *Europa Ethnica* 3/4: 112–118.
- Volkov, V., and J. Kurczewski. 2013. *Latvians, Russians and Poles of Present-Day Daugavpils: Integration, Acculturation and Historic Reconciliation*. Rīga: Zinātne.
- Weber, M. 2016. *Khoziaistvo i obshchestvo. Ocherki ponimaiushchei sotsiologii* [Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology]. Vol. 1, *Sotsiologiia* [Sociology]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Weber, M. 2017. *Khoziaistvo i obshchestvo. Ocherki ponimaiushchei sotsiologii* [Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology]. Vol. 2, *Obshchnosti* [Generalities]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Wetherell, M., and J. Potter. 1988. Discourse Analysis and the Identification of Interpretive Repertoires. In *Analysing Everyday Explanation: A Casebook of Methods*, edited by C. Antaki, 168–183. Newbury Park, CA: Sage.
- Wirth, L. 1945. The Problem of Minority Groups. In *The Science of Man in the World Crisis*, edited by R. Linton. New York: Columbia University Press.
- Yak, B. 2017. *Natsionalizm i moral'naia psikhologiia soobshchestva* [Nationalism and Moral Psychology of Society]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara.
- Young, I.M. 1988. Five Faces of Oppression. *The Philosophical Forum* XIX (4): 270–290.
- Zepa, B., et al. 2005. *Ethnopolitical Tension in Latvia: Looking for the Conflict Solution*. Rīga: Baltic Institute of Social Sciences.
- Zirnīte, M., and M. Assereckova. 2016. *Visi esam sava laikmeta bērni: krievu dzīvesstasti Latvijā* [We are All Children of Our Era: Russian Life Stories in Latvia]. Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts.